

УДК: 930.26(571.63)

## ФИНАЛЬНЫЙ НЕОЛИТ ПРИМОРЬЯ: СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ, КОНЦЕПЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ



**Евгений Борисович КРУТЫХ,**  
младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.  
E-mail: lab39@mail.ru



**Сергей Артурович КОЛОМИЕЦ,**  
кандидат исторических наук,  
ДВГТУ, г. Владивосток.  
E-mail: sartbox@mail.ru

Авторами предлагается концепция, согласно которой группа памятников зайсановской культуры на Приханкайской равнине интерпретируется как приханкайский локально-хронологический вариант зайсановской культуры.

**Ключевые слова:** финальный неолит, зайсановская культура, приханкайский локально-хронологический вариант, поселение Реттиховка-Геологическая.

### **Final Neolithic of Primorye: the state of explorations, approaches, prospects of researches**

**E. B. Krutykh,** Junior researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok.

**S. A. Kolomiets,** Candidate of Historical Sciences, Far Eastern State Technical University, Vladivostok.

The authors of the article introduce an approach that proposes interpreting a group of Zaisanovka culture sites in Khanka valley as a Prikhankaisky local and chronological variant of Zaisanovka archaeological culture.

**Key words:** Final Neolithic, Zaisanovka culture, Prikhankaisky local and chronological variant, Rettikhovka-Geologicheskaya settlement.

Эпоха позднего неолита в Приморье представлена несколькими десятками памятников, которые традиционно рассматривались в рамках одной культуры — зайсановской, причём понятия «зайсановская культура» и «поздний неолит» были, в сущности, синонимичны. Между тем материалы этих памятников различались между собой. Для объяснения неоднородностей в комплексах позднего неолита были предложены концепции, согласно которым памятники систематизировались по хронологическому

(Бродянский, 1987) и локальному (Гарковик, 1989) принципам или зайсановская культура рассматривалась как конгломерат разнородных культурных образований (Яншина, 2001, 2003). В настоящее время в рамках второго подхода были предложены концепции «зайсановской неолитической общности» (Яншина, Клюев, 2005) и «зайсановской культурной традиции» (Вострецов, 2005). На наш взгляд, преждевременно был утрачен интерес к рассмотрению традиционно зайсановских памятников в рамках понятия «археологическая культура», которая допускает обособление отдельных групп в качестве «вариантов культуры» или других категорий (Клейн, 1991). Нам представляется вполне обоснованным использовать интерпретационные возможности понятия «археологическая культура» при решении проблемы культурной характеристики комплексов позднего неолита Приморья.

Наибольший интерес для подобной интерпретации, на наш взгляд, представляет группа зайсановских памятников позднего неолита, локализуемая на территории Приханкайской равнины (рис. 1). На части объ-

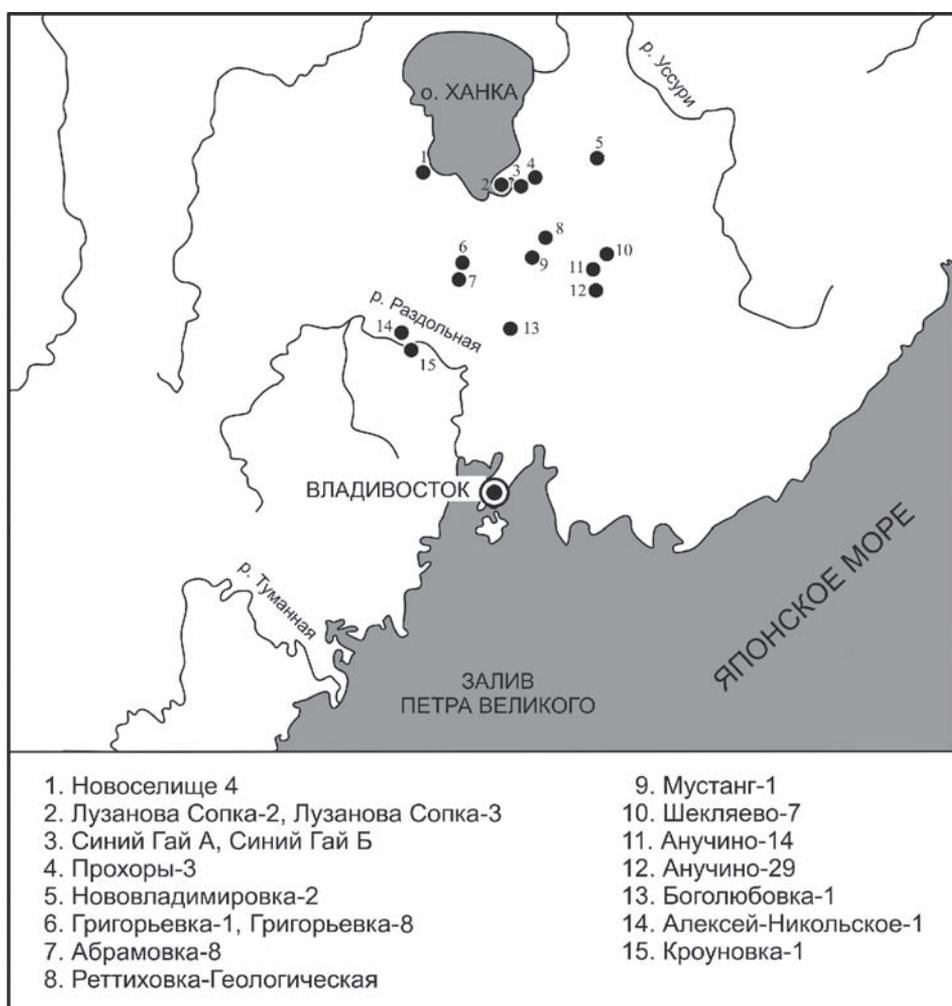


Рис. 1. Памятники приханкайского локально-хронологического варианта зайсановской культуры.

ектов проводились раскопки (Реттиховка-Геологическая, Лузанова Сопка-2, Синий Гай А, Б, Кроуновка-1, Шекляево-7, Анучино-14, Анучино-29, Алексей-Никольское-1, Боголюбовка-1, Мустанг-1, Новоселище-4), другая часть представлена разведочными материалами (Нововладимировка-2, Абрамовка-8, Григорьевка-1 и др.). Следует отметить, что основная часть раскопанных памятников (Реттиховка-Геологическая, Лузанова Сопка-2, Шекляево-7, Анучино-14, Анучино-29, Алексей-Никольское-1, Боголюбовка-1, Новоселище-4) была исследована в последнее десятилетие. Полученные материалы позволили по-новому взглянуть на памятники зайсановской культуры в районе Приханкайской равнины и послужили основой для дискуссии об их культурной принадлежности.

Традиционным критерием, объединявшим между собой комплексы позднего неолита Приханкайской равнины, для большинства исследователей является сочетание двух групп керамической посуды. Обе имеют похожие технико-технологические основы изготовления сосудов и способы их орнаментации, но различаются качеством и способами обработки поверхностей, оформлением венчика, декора и размерным рангом. Для первой группы были характерны грубость изготовления, использование крупнозернистых примесей, для второй — более высокое качество изготовления, лощение, применение мелкозернистых примесей.

Исследования по материалам Кроуновки-1, Синего Гая А, Б, Мустанга-1, Боголюбовки-1 дали обширную информацию о двух классах артефактов — керамических и каменных изделиях. При этом в первую очередь учитывается характеристика керамического комплекса, набор каменных изделий анализируется попутно. Иные категории (типы памятников, жилых комплексов) в имеющихся публикациях практически не рассматривались. Также традиционно скупа информация о наличии котлованов, столбовых ям и других конструктивных элементов построек. В результате сложилась ситуация, при которой практически единственным определяющим признаком принадлежности к приханкайским памятникам служит сочетание двух групп керамики. Оперирование только этим признаком (даже не керамическим комплексом в целом) к настоящему времени перестало отвечать современным подходам к интерпретации памятников позднего неолита. Свидетельство изменений — увеличивающаяся информативность публикаций о полевых исследованиях, и качественно новый фактор — получение и использование данных археоботаники (Вострецов и др., 2003; Сергушева, 2005, 2006, 2007).

При использовании принципа «двух групп керамики» для исследования приханкайской группы памятников позднего неолита исследователи опираются в основном на материалы Кроуновки-1 (Яншина, 2003: 117; Яншина, Клюев, 2005: 195). Но, учитывая определённые факторы (недостаточную степень опубликованности материалов, наличие нескольких разновременных культурных горизонтов), коллекцию этого памятника трудно назвать эталонной для характеристики сходных комплексов. Значительно большими источниковедческими возможностями, на наш взгляд, обладают материалы поселения Реттиховка-Геологическая. Более того, введение в научный оборот результатов исследований этого поселения послужило своеобразным катализатором процесса изучения памятников

приханкайской группы или локально-хронологического варианта зайсановской культуры (Крутых, Батаршев, 2001; Коломиец и др., 2002; Крутых и др., 2008а; Яншина, 2003).

Материалы поселения Реттиховка-Геологическая благодаря особенностям формирования культурного слоя позволяют считать их наиболее информативным источником для проведения аналогий. Однородность и представительность коллекции даёт возможность использования её как основы для описания комплекса признаков приханкайских памятников. Дополнительное привлечение материалов памятников Лузанова Сопка-2, Синий Гай А и Б позволяет выделить достаточно чёткий типологический комплекс признаков (Крутых, Батаршев, 2001; Коломиец и др., 2002; Бродянский и др., 2006; Крутых и др., 2008а; Крутых и др., 2008б). Используя их, можно провести источниковедческий анализ материалов и других памятников этой группы.

**Керамический комплекс.** Признаки, фиксируемые для технико-технологического цикла, свидетельствуют о существовании единых производственных традиций на памятниках описываемой группы. Для изготовления керамической посуды применялась двухкомпонентная формовочная масса: глина+дроблённая минеральная примесь. В составе минеральной примеси находится дресва талька (Реттиховка-Геологическая, Лузанова Сопка-2, Лузанова Сопка-3, Синий Гай А, Б, Нововладимировка-2, Прохоры-3, Анучино-14, Мустанг-1, Шекляево-7, Кроуновка-1, Алексей-Никольское-1). Несколько реже использовалась дресва других пород, например кварца (Реттиховка-Геологическая, Лузанова Сопка-2, Нововладимировка-2, Анучино-14, Анучино-29, Кроуновка-1, Боголюбовка-1, Мустанг-1, Новоселище-4, Алексей-Никольское-1, Абрамовка-8, Григорьевка-1, Григорьевка-8).

При формовке сосудов использовался преимущественно донный начин. Как редкий можно отметить донноёмкостный начин, представленный на памятниках Синий Гай А, Боголюбовка-1, Реттиховка-Геологическая, применяемый для конструирования части мисок, а также ковшей. Тулово сосудов собиралось кольцевым налепом. Горловина сосудов оформлялась двумя способами: прикреплением к отогнутому краю венчика (или чуть ниже) небольшого треугольного в сечении валика, при этом в профиле венчик приобретал «единицеобразные» очертания простым отгибом верхнего края венечной ленты и приострением кромки.

Обжиг керамики производился при температуре 600—700°C, при этом температура обжига керамики на ряде памятников (Кроуновка-1, Новоселище-4, Боголюбовка-1) была 700—750°C, что на 100—150°C выше, чем на других зайсановских памятниках (Жущиховская, 2004: 223).

В морфологии выделяются классы плоскодонных и круглодонных сосудов. Класс плоскодонных представлен изделиями с округлым в плане основанием и выделенной горловиной. Высотный показатель (Генинг, 1973) позволил разделить сосуды на подгруппы: средней высотности (отношение высоты сосуда к максимальному диаметру тулова 0,9—1,2) и приземистые (соответственно 0,7—0,8).

Сосуды средней высотности представлены в основном горшками с венчиком, декорированным налепным валиком, широким горлом, короткой

изогнутой шейкой, слабопрофилированными высокими плечиками, широким дном (Реттиховка-Геологическая, Лузанова Сопка-2, Кроуновка-1, Шекляево-7, Анучино-14, Анучино-29, Боголюбовка-1, Мустанг-1, Новоселище-4, Синий Гай А и Б, Абрамовка-8, Григорьевка-1, Григорьевка-8).

К приземистым сосудам относятся горшки с простым отогнутым венчиком, крутыми высокими плечиками и узким дном (Реттиховка-Геологическая, Кроуновка-1, Шекляево-7, Анучино-14, Анучино-29, Боголюбовка-1, Мустанг-1, Новоселище-4). Часть плоскодонных сосудов имеет очертания с округлым в плане основанием, без выделенной горловины. Это миски с простым, слабоотогнутым или прямым венчиком (Синий Гай Б, Кроуновка-1, Алексей-Никольское-1, Мустанг-1). Класс круглодонных изделий включает ковши, которые представлены двумя сосудами с цилиндрическим туловом, слегка отогнутым приотстрённым венчиком и с ручкой, а также находками керамических ручек (Синий Гай Б, Анучино-29). Следует отметить, что ранее описания подобных сосудов в публикациях по неолиту Приморья не встречались.

Все плоскодонные сосуды, за исключением большей части мисок, орнаментированы. Декор представлен орнаментом двух классов: позитивного и негативного рельефа. Орнамент позитивного рельефа включает подкласс налепленного орнамента, представленный налепными валиками с насечками по ребру, который отмечен в коллекциях всех памятников. Орнамент негативного рельефа по способу нанесения разделяется на подклассы прочерченного и штампованного орнамента. Ведущим является подкласс прочерченного орнамента, характерный для всех памятников группы, который выполнялся зубчатым инструментом и острой палочкой. Меньшее значение имеет орнамент, выполненный штампованием. Оттисками верёвочного штампа по тулову украшались сосуды на памятниках Синий Гай А, Анучино-14, Алексей-Никольское-1, Мустанг-1, Григорьевка-8.

В керамическом комплексе памятников выделено три основных мотива орнаментации: дуги (21—54%), вертикальный зигзаг (21—78%), меандр (от единичных экземпляров до 18%). Дуги (Реттиховка-Геологическая, Лузанова Сопка-2, Синий Гай А и Б, Кроуновка-1, Анучино-14, Анучино-29, Алексей-Никольское-1, Боголюбовка-1, Мустанг-1, Новоселище-4) наносились зубчатым инструментом. Вертикальный зигзаг (встречается на всех памятниках) выполнялся на тулове сосуда прочерчиванием заострённой палочкой и оттисками верёвочного штампа (Синий Гай А, Анучино-14, Алексей-Никольское-1, Мустанг-1, Григорьевка-8). Меандр выполнялся прочерчиванием двух параллельных линий, пространство между которыми заштриховывалось наклонными либо перекрещивающимися прочерками (Реттиховка-Геологическая, Лузанова Сопка-2, Синий Гай Б, Кроуновка-1, Шекляево-7, Анучино-29, Боголюбовка-1, Новоселище-4), отступающей лопаточкой (Анучино-14, Боголюбовка-1, Мустанг-1), верёвочным штампом (Синий Гай А). Редкий мотив — сложнофигурный орнамент, контур которого выполнялся прочерчиванием, а внутреннее пространство заполнялось единичными оттисками (Синий Гай А и Б, Алексей-Никольское-1, Мустанг-1).

По способу зонально-композиционного оформления орнамент делится на две схемы: первая — сочетание сплошного орнаментального поля,

декорированного вертикальным зигзагом или дугами, располагавшимися вертикальными рядами, которые опоясывали сосуд и покрывали большую часть тулова за исключением придонной части, и налепного рассечённого валика под венчиком. К этому варианту можно отнести сосуды, тулово которых орнаментировалось сплошным полем дугообразных узоров, но валик под венчиком отсутствует. Вторая схема — бордюрное расположение меандра на плечиках сосуда. Зона венчика не декорировалась.

Для керамических комплексов характерна взаимосочетаемость морфологии сосудов и их зонально-композиционного оформления. Учитывая размерный ранг керамических изделий и их предполагаемое функциональное назначение, мы можем выделить типы сосудов (рис. 2).

**Тип 1.** Горшки средней высотности (1—1,14 см) с широким горлом, венчиком с налепным валиком, короткой изогнутой шейкой, слабопрофилированными высокими плечиками, широким дном. К этому же типу можно отнести и сосуды, единственным морфологическим отличием которых является расположенная в средней части тулова линия экватора (Синий Гай А, Алексей-Никольское-1, Анучино-14). Декор таких сосудов представлен сочетанием налепного валика под венчиком и широкого поля вертикального зигзага на тулове. Сосуды отличаются средними размерами (высота 15—29 см, диаметр 14,5—25 см) и, вероятнее всего, использовались как кухонная посуда. Дополнительным подтверждением служит наличие нагара на части таких сосудов.

**Тип 2.** Горшки средней высотности (1,01—1,25) с широким горлом, венчиком с налепным валиком, короткой изогнутой шейкой, слабопрофилированными высокими плечиками, широким дном. Декор таких сосудов характеризуется сочетанием налепного валика под венчиком и широкого поля дуг на тулове. Сосуды отличаются большими размерами (высота 31—53,5 см, диаметр 30,5—48) и, видимо, использовались как тара. На таких сосудах отсутствует нагар.

**Тип 3.** Горшки средней высотности (0,9—0,92) с широким горлом, простым отогнутым венчиком, короткой шейкой и покатыми плечиками. От первых двух типов морфологически отличаются чуть меньшей высотой и более узким дном (Реттиховка-Геологическая). Орнаментировались широким полем дуг по тулову, венчик не декорировался. Такие сосуды имеют очень крупные размеры (высота 47—57,5 см, диаметр 51—63,5 см) и толщину стенок более 1 см. Учитывая условия их залегания в культурном слое (сосуды располагались на полу постройки, завалены набок и раздавлены последующими отложениями), а также характеристику их заполнения (горелое культурное просо), мы можем интерпретировать их как тарные сосуды, использовавшиеся для хранения зерна. На таких сосудах отсутствует нагар.

**Тип 4.** Небольшие приземистые горшки (0,75—0,8 см) с простым отогнутым венчиком, крутыми высокими плечиками и узким дном. Орнаментировались достаточно узким бордюром меандра, венчик не декорировался. Функциональное назначение однозначно не определяется. Но, учитывая тот факт, что большинство сосудов этого типа имеет более тонкие стенки (4—5 мм), лучшую обработку поверхностей (тщательное лощение), чем остальные типы, а также аккуратное нанесение достаточно

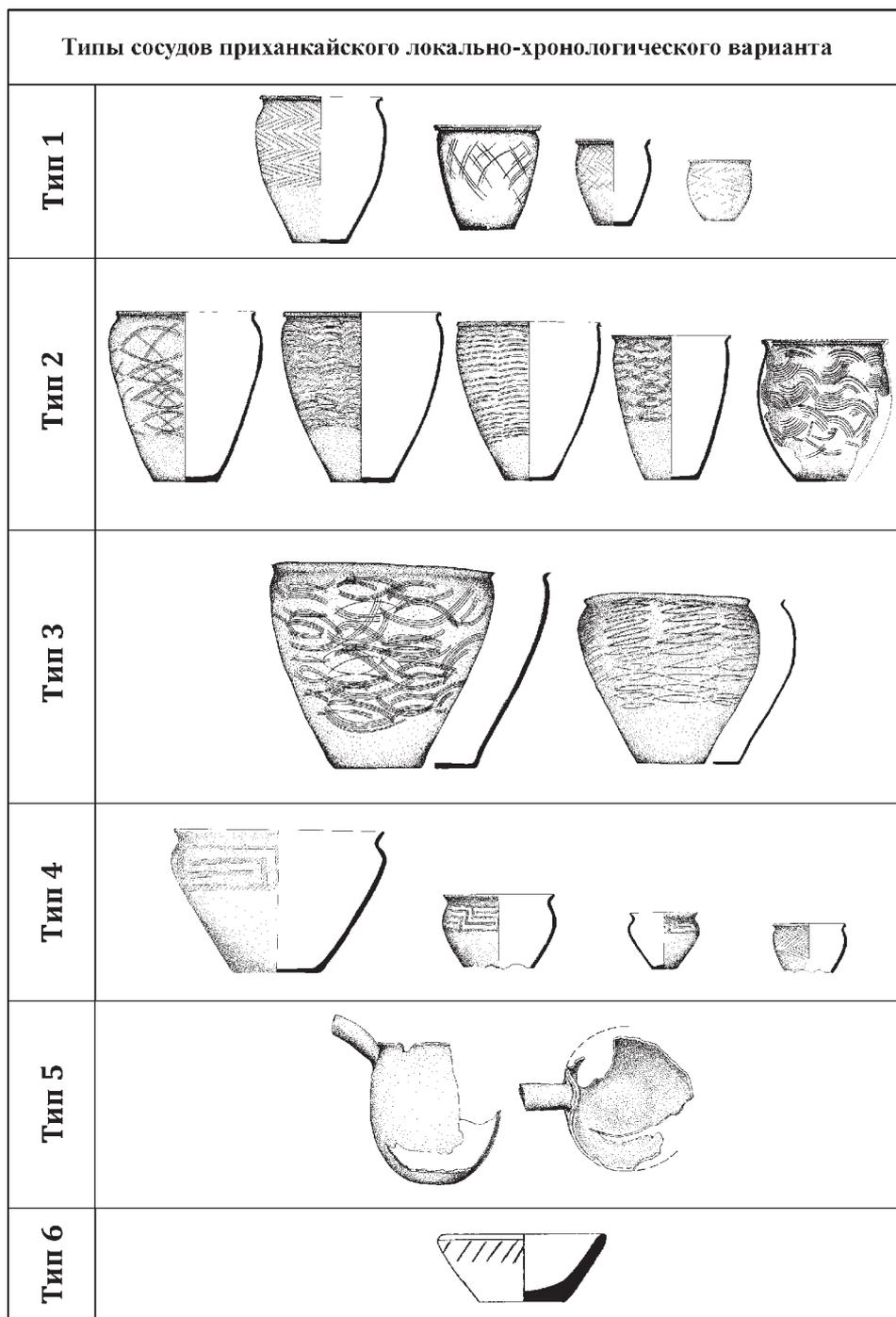


Рис. 2. Типы керамических сосудов приханкайского локально-хронологического варианта зайсановской культуры.

сложного орнамента, можно предположить, что их использовали в качестве «парадной» или ритуальной посуды.

**Тип 5.** Небольшие ковши с простым приостренным, слегка отогнутым венчиком, цилиндрическим туловом, круглым дном, ручкой, прикреплённой чуть ниже края венчика. Сосуды этого типа не орнаментировались, за исключением единичного фрагмента венчика в коллекции памятника Синий Гай Б. Не исключено, что подобные изделия использовались и как мерные ёмкости, например для зерна.

**Тип 6.** Миски. Большинство изделий найдено в виде фрагментов, поэтому можно представить лишь общие морфологические характеристики. Сосуды с простым прямым или чуть отогнутым венчиком, стенками, которые резко расширяются от дна к устью. В основном не орнаментировались. Размерный ранг может варьировать от малого до среднего. Вероятнее всего, это столовая посуда для приёма пищи.

Как уникальные стоит отметить два сосуда: чашу с квадратным в плане основанием (Синий Гай Б) и приземистый горшок без горловины с простым отогнутым венчиком, на котором ниже края венчика располагался на лепной валик и полукруглые ручки-ушки на тулове (Синий Гай А).

**Каменный инвентарь.** *Ретушированные орудия* представлены наконечниками стрел и дротиков (Реттиховка-Геологическая, Кроуновка-1, Шекляево-7, Анучино-29, Алексей-Никольское-1, Мустанг-1, Новоселище-4) (рис. 3: 8—18), а также другими орудиями (Синий Гай А, Шекляево-7, Анучино-29, Мустанг-1, Новоселище-4) с достаточно широкой вариабельностью форм. В целом процесс изготовления ретушированных орудий связан с использованием отщепов и сколов. Сырьём для изготовления ретушированных орудий служили обсидиан, кремнистые сланцы.

*Шлифованные изделия* включают наконечники стрел (Боголюбовка-1, Кроуновка-1, Шекляево-7, Мустанг-1, Новоселище-4), ножи (Реттиховка-Геологическая, Боголюбовка-1, Новоселище-4) и рубящие орудия — долота удлиненно-прямоугольной формы, квадратные в сечении (Реттиховка-Геологическая, Синий Гай А) (рис. 3: 2—4), тёсла трапецевидной формы (рис. 3: 6—7), подпрямоугольные в сечении (Реттиховка-Геологическая, Синий Гай А, Кроуновка-1, Анучино-29, Алексей-Никольское-1, Боголюбовка-1, Мустанг-1), топоры овальные или подпрямоугольные в сечении (Реттиховка-Геологическая, Синий Гай А, Кроуновка-1, Анучино-29, Алексей-Никольское-1, Мустанг-1) (рис. 3: 5). Сырьём для изготовления шлифованных орудий служили преимущественно сланцы, но для рубящих орудий использовались и более твёрдые породы, пригодные для шлифовки. Помимо шлифовки для изготовления орудий, особенно крупных размеров, применялся пикетаж.

*Мотыги, куранты, зернотёрки.* Комплекс таких орудий присутствует в коллекциях памятников группы: мотыги (Реттиховка-Геологическая, Синий Гай А, Кроуновка-1, Шекляево-7, Анучино-29, Алексей-Никольское-1, Мустанг-1, Новоселище-4, Боголюбовка-1) (рис. 3: 1), куранты (Реттиховка-Геологическая, Анучино-29, Алексей-Никольское-1, Мустанг-1, Новоселище-4), зернотёрки/тёрочные плиты (Реттиховка-Геологическая, Синий Гай А, Анучино-29, Алексей-Никольское-1, Боголюбовка-1, Мустанг-1, Новоселище-4). Для изготовления мотыг использовались преимущественно

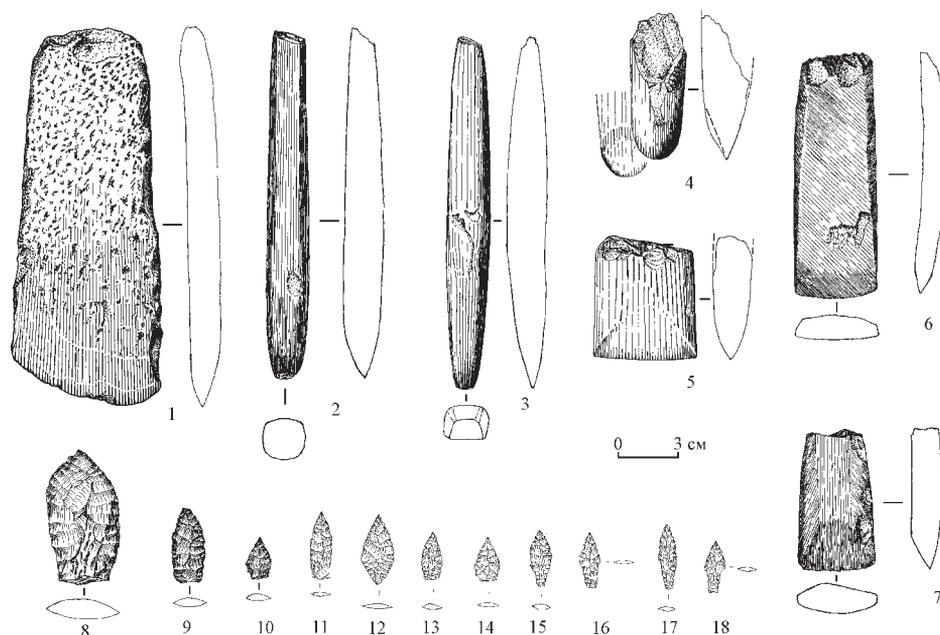


Рис. 3. Каменный инвентарь приханкайского локально-хронологического варианта зайсановской культуры.

но сланцы, для зернотёрок и курантов — песчаники. Техника изготовления орудий основана на применении грубого скалывания, для дальнейшей обработки песчаника мог использоваться пикетаж.

**Постройки.** Суммируя накопленную информацию, мы можем разделить исследованные постройки на несколько типов (долговременные жилища, сезонные и хозяйственно-бытовые постройки).

Можно предположить, что долговременные жилища использовались исключительно в холодное время года. Сооружения должны были иметь хорошо утеплённую крышу, для поддержания которой служили массивные столбы-опоры в центре, а также конструкции на плечах котлована. Таким образом, для отнесения комплексов к типу долговременных зимних жилищ предлагаются следующие критерии: наличие достаточно глубокого (около 0,7 м) котлована (возможно, врезанного в склон), чётко выраженного очага, столбовых ям большой (около 0,5 м) глубины; присутствие следов жизнедеятельности — скоплений (комплексов) вещей. Признаки подобных построек (котлован подпрямоугольной формы площадью 24—54 м<sup>2</sup>, глубокие — до 0,5 м ямы для опорных столбов, располагавшиеся ближе к центральной части котлована) отмечены на поселениях Реттиховка—Геологическая, Боголюбовка-1, Новоселище-4, Шекляево-7.

К другому типу сооружений можно отнести постройки в неглубоких котлованах овальной и округлой формы или на выровненных площадках. Малое количество и глубина столбовых ям (а иногда и их отсутствие) могут свидетельствовать о временном характере сооружений, интерпретируемых как жилища-навесы, используемые в тёплое время года (Анучино-14, Алексей-Никольское-1, Анучино-29). На поселении Анучино-29 подобное

сооружение рассматривается как односкатный шалаш (лёгкая хозяйственная постройка) (Слепцов, Ким Дже Юн, 2009).

Следующий тип построек — хозяйственно-бытовые. Объект, исследованный в 2004 г. на поселении Реттиховка-Геологическая, имеет ряд специфических черт. Сразу отметим высокую насыщенность слоя горелым зерном, в котором обнаружены крупные (тарные) сосуды, использовавшиеся для его хранения. На периферии объекта зафиксированы скопления орудий для обработки зерна (зернотёрки, куранты) и чётко локализованный комплекс каменных изделий, представленный долотами, тёслами, топорами, т.е. орудиями деревообработки. Привлекая материалы сходных по описанию комплексов на других приханкайских памятниках, можно предложить следующие основания для выделения хозяйственно-бытовых построек. Они имеют заглублённый в склон котлован-площадку, выровненный пол, в ряде случаев полностью или частично покрытый слоем глиняной обмазки. Отдельные неглубокие ямы для опорных столбов могли располагаться внутри котлована (Реттиховка-Геологическая, Мустанг-1).

Таким образом, признаки хозяйственно-бытовых комплексов — наличие специально подготовленного котлована либо площадки, отсутствие или слабая выраженность следов опорных конструкций кровли, отсутствие или слабая мощность очага, локализация категорий орудий, связанных с определёнными производственными процессами.

Особый тип сооружений демонстрирует поселение Синий Гай А. Исследованные объекты, по-видимому, вынужденно ограниченные скальными выступами, выглядят как площадки разнообразной формы, с высокой нагорной стенкой и отсутствием подгорной стенки. Площадь таких объектов варьирует от 6 до 70 м<sup>2</sup>. Данные постройки интерпретируются как жилища (Бродянский, 1987, Бродянский и др., 2006), но, на наш взгляд, значительную часть их нельзя отнести к долговременным зимним постройкам из-за малой площади котлованов и отсутствия ям для столбовых опор. Для отнесения к хозяйственно-бытовым комплексам отсутствует информация о локализации орудийных комплексов, неполная информация и об очагах внутри котлованов. Наиболее вероятным представляется использование таких сооружений периодически (сезонно) в течение нескольких лет. Кроме того, наряду с временными сооружениями можно предположить наличие на памятнике Синий Гай А и долговременных жилищ с большей площадью котлованов. При этом вопрос о конструкции таких построек остаётся открытым.

**Топография памятников.** В физико-географическом отношении территория, на которой локализуются памятники группы, — это лесостепная зона, которая охватывает Приханкайскую равнину, примыкающую к оз. Ханка, и её низкогорное обрамление с высотами до 150—200 м. Крайняя равнины имеет холмисто-увалистый рельеф, выраженный мелкосопочником, представленным группами невысоких возвышенностей (Физическая..., 1990).

Большинство памятников локализуется в зоне сочленения Приханкайской низменности и окружающих её сопочных массивов, располагается на уплощённых вершинах (Шекляево-7, Алексей-Никольское-1, Григорьевка-1, Григорьевка-8, Анучино-29) и пологих склонах мысовидных выступов сопков. Памятники имеют преимущественно южную и юго-восточную

экспозицию (Реттиховка-Геологическая, Лузанова Сопка-3, Нововладимировка-2, Новоселище-4, Абрамовка-8, Мустанг-1), реже северную и северо-восточную (Анучино-14, Боголюбовка-1). Внешне памятники представлены западинами, расположенными скоплениями или рядами. Как правило, дополнительным фактором является наличие вблизи или на самом поселении источника воды или свидетельств его существования ранее.

Ряд других памятников группы располагается на низких высотных отметках, на речных (Кроуновка-1) и озёрных террасах (Лузанова Сопка-2), у подножия сопок и на невысоких возвышенностях (Прохоры-3, Синий Гай Б). Особенностью таких древних посёлков является отсутствие западин. К примеру, по результатам стационарных исследований один из них — памятник Лузанова Сопка-2 — интерпретируется как сезонная охотничье-рыболовная стоянка (Крутых и др., 2008б).

Особое место в предложенной схеме занимает поселение Синий Гай А на южном склоне г. Синий Гай, которое представлено 150 западинами на 7 террасах. Его особенности — плотная застройка вершины, расположение на господствующей над долиной отдельной высоте (относительная высота до 120 м), отдалённость источника воды.

**Археоботанические остатки.** На современном этапе исследований благодаря применению метода флотации были получены прямые свидетельства земледелия — зёрна культурных растений. Работы, проведённые Е.А. Сергушевой на ряде приханкайских памятников, позволили обнаружить зёрновки культурного проса. Уровень развития земледелия можно рассматривать на примере поселения Реттиховка-Геологическая. Здесь в горелом слое найдено огромное количество зерновок культурного проса двух видов — обыкновенного (*Panicum miliaceum*) и итальянского (*Setaria italica*) (Сергушева, 2006: 8; 2008: 18). Находки зерновок культурного проса отмечены на поселениях Новоселище-4, Боголюбовка-1 (Сергушева, 2008; Вострцов, 2005; Клюев и др., 2002; Клюев, Яншина, 2004; Гарковик, 2008), Мустанг-1, Шекляево-7 (Сергушева, 2004; 2005; 2008; Клюев и др., 2002; Клюев, Яншина, 2004). Но следует отметить, что на этих памятниках количество зёрен не так велико.

**Хозяйственная деятельность.** Для предполагаемого типа хозяйственной деятельности населения периода финального неолита характерны присутствие орудийного набора разных памятников и выраженная сезонность как построек, так и самих памятников. Кроме того, необходимо учесть разницу в типах построек, а следовательно, и в их назначении.

Можно предположить следующую организацию постоянных (базовых) поселений: долговременные полуподземные жилища, эксплуатируемые в холодное время года, а также более лёгкие жилища-летники, расположенные на поселении или близ него и используемые в тёплый сезон.

Кроме того, ещё одной частью, составляющей поселение, были хозяйственно-бытовые комплексы. Такого рода постройки, по-видимому, выполняли бытовые и производственные задачи, решение которых было затруднительно внутри жилищ. Эти сооружения эксплуатировались круглогодично, но направленность производимых работ могла изменяться сезонно (например, обработка зерна в осеннее время). Орудия для охоты и обработки добычи (наконечники стрел и дротиков, скрепки) найдены на всех

памятниках, однако их количество и разнообразие не так велико по сравнению с памятниками предшествующего неолитического времени. На временных сезонных стоянках обнаружены орудия охоты и кухонная посуда, но не найдены следы сооружения долговременных зимних жилищ. На поселениях с долговременными зимними жилищами отмечены многочисленные орудия земледельческой направленности, сосуды для хранения продуктов (зерна), археоботанические остатки. Характерна и разная локализация памятников: 1) временные, приуроченные к местам промысла близ оз. Ханка; 2) постоянные поселения, расположение которых связано с сопочными массивами вдали от открытых равнин Приханкайской низменности.

Мы предполагаем, что хозяйственная деятельность населения была основана на сочетании земледельческой практики с охотой, рыболовством и собирательством. При этом часть населения занималась земледельческими работами, связанными с выращиванием проса (Сергушева, 2006). Другая, более мобильная часть, могла быть задействована как на земледельческих работах, так и на охотничье-рыболовных промыслах сезонного характера. Места промысла могут быть расположены на значительном удалении, в нескольких днях пути, например на побережье оз. Ханка. В таких случаях в базовых лагерях промысловиков отсутствовали долговременные сооружения и инвентарь охотничье-рыболовной направленности.

Таким образом, приханкайские памятники авторы разделяют на два типа по следующим признакам: месторасположение памятников, характер построек, состав комплексов. Первый тип — поселения на сопочных массивах, окружающих Приханкайскую равнину. Внешне представлены западинами от долговременных построек, имеют в составе своих комплексов зерновки культурного проса и земледельческие орудия, что позволяет рассматривать их как памятники с земледельческой практикой. Второй тип — стоянки, расположенные на низких участках рельефа на территории Приханкайской равнины, внешне не имеют признаков долговременных сооружений; характер их археологического инвентаря, фаунистические находки позволяют предполагать, что обитатели занимались сезонной охотой и рыбалкой.

Общие признаки инвентарных комплексов памятников, независимо от их типа, не имеют принципиальных различий, поэтому мы можем говорить о том, что все памятники приханкайской группы относятся к единому культурному образованию. Различие между ними можно объяснить как следствие существования двух основных типов хозяйственной деятельности — земледелия и охотничье-рыболовного промысла.

**Датировки.** На памятниках получены радиоуглеродные даты: Ретиховка-Геологическая ( $3880 \pm 45$ ,  $3390 \pm 55$ ,  $3310 \pm 45$ ,  $3610 \pm 80$ ,  $3240 \pm 85$ ,  $3400 \pm 100$  л.н.), Лузанова Сопка-2 ( $3905 \pm 40$  л.н.), Мустанг-1 ( $4660 \pm 60$ ,  $4050 \pm 70$  л.н.), Новоселище-4 ( $3840 \pm 70$ ,  $3755 \pm 35$  л.н.) (Крутых и др., 2008а; Крутых и др., 2008б; Гарковик, 1993; Клюев и др., 2002; Кузьмин, 1989). Таким образом, основной массив радиоуглеродных датировок укладывается в период  $3800—3300^{14}\text{C}$  л.н.

**Выводы.** В период  $3800—3300^{14}\text{C}$  л.н. на территории Приханкайской равнины сложился комплекс факторов (природные условия, развитие технологии керамического и каменного производства, хозяйственный уклад),

который позволил сформироваться системе памятников, имеющих выраженные черты сходства в археологическом инвентаре (керамические сосуды, каменные орудия труда и др.), в планировке, расположении и специализации поселений и стоянок (промысловых и земледельческих), типах построек (жилых, сезонных, хозяйственно-бытовых), хозяйственной деятельности, широком применении земледелия. При этом культурное образование имело признаки, связывающие с предшествующим неолитическим населением (в морфологии и орнаментации керамики, изделиях из камня, знакомстве с земледелием) и чётко отграничивающие его от последующей эпохи палеометалла.

Ранее эта система рассматривалась как группа памятников зайсановской культуры (Гарковик, 1989; Клюев, 2004; Яншина, 2001; 2003; Яншина, Клюев, 2005), её локальный поздний вариант (Крутых, Батаршев, 2001; Коломиец и др., 2002), приханкайский тип памятников (Яншина, 2001). Предлагались варианты решения проблемы культурной принадлежности без достаточно аргументированного комплекса признаков, при этом полученные материалы интерпретировались как самостоятельная группа памятников, относимая к позднему этапу зайсановской неолитической общности (Яншина, Клюев, 2005), финальнозайсановская культура (Бродянский, 2007), приханкайская культура (Клюев, Гарковик, 2008). Остаётся констатировать, что существование этой группы памятников признаётся и предлагается к выделению большинством исследователей независимо друг от друга. На современном этапе изучения позднего неолита Приморья можно признать, что приханкайская группа памятников — самая изученная часть зайсановской культуры, имеющая большие перспективы для дальнейшего исследования.

В статье предлагается вариант интерпретации приханкайских памятников в контексте зайсановской культуры, исходя из следующих положений: во-первых, памятники позднего неолита Приморья рассматриваются в рамках понятия «зайсановская археологическая культура». Несмотря на определённые неоднородности в комплексах памятников, близость между ними очевидна. Во-вторых, понятие «археологическая культура» допускает обособление отдельных групп памятников в качестве «вариантов культуры» или других категорий (Клейн, 1991). Исходя из этого, представляется вполне обоснованным использовать интерпретационные возможности понятия «локально-хронологический вариант археологической культуры» при решении проблемы культурной принадлежности рассматриваемой группы приханкайских памятников. Таким образом, на настоящем этапе для обозначения культурной атрибуции приханкайской группы памятников предлагается термин *приханкайский локально-хронологический вариант зайсановской культуры* (см. рис. 1).

В современной исследовательской ситуации можно принять комплекс признаков приханкайского локально-хронологического варианта зайсановской культуры за основу *фокуса* (Клейн, 1991) зайсановской культуры, т.е. считать приханкайский локально-хронологический вариант базовым в зайсановской культуре, а его фокус соответственно основным. Другие группы памятников зайсановской культуры можно рассматривать как её варианты, даже если считать их выделение «авансированным». Уровень развития неолитоведения Приморья позволяет ожидать формирование типологических

других вариантов зайсановской культуры в самой ближайшей перспективе. Один такой вариант — хасанский — формируется в настоящее время (Морева и др., 2009).

Что же касается самого названия «зайсановская культура», то заменять его каким-либо другим (например, приханкайская), на наш взгляд, не имеет смысла, так как этот термин большинство специалистов считает устойчивым. Введение в научный оборот нового термина представляет дополнительные трудности историографического характера, тем более, что уровень развития современных подходов к пониманию «археологической культуры» для неолита Приморья не противоречит существующему термину «зайсановская культура».

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 276 с.
2. Бродянский Д.Л., Крутых Е.Б., Морева О.Л. Неолитическая керамика поселений Синий Гай А и Б // Дальневосточные древности: каменный век, палеометалл, средневековье: Тихоокеан. археология. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. Вып. 15. С. 103—118.
3. Вострецов Ю.Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы и гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 159—186.
4. Вострецов Ю.Е., Сергушева Е.А., Комото М., Миямото К., Обата Х. Новые данные о раннем земледелии в Приморье: неолитический комплекс поселения Кроуновка-1 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во РАН, 2003. С. 373—378.
5. Гарковик А.В. Новый неолитический памятник Боголюбовка-1 // Древние культуры Дальнего Востока СССР (археологический поиск). Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 8—10.
6. Гарковик А.В. Результаты раскопок на поселении Мустанг-1 в 1987 г. // Археологические исследования на Дальнем Востоке. Препр. Владивосток: ДВО РАН, 1993. С. 3—6.
7. Гарковик А.В. Боголюбовка-1 — памятник позднего неолита Приморья // Окно в неведомый мир. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. С. 131—139.
8. Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Сов. археология. 1973. № 1. С. 114—136.
9. Жущиховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 312 с.
10. Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.: АН СССР, 1991. С. 448 с.
11. Клюев Н.А., Гарковик А.В. Новые данные о неолите приморья (по материалам исследований 2000-х гг.) // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт: материалы междунар. археол. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.П. Окладникова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 85—97.
12. Клюев Н.А., Сергушева Е.А., Верховская Н.Б. Земледелие в финальном неолите Приморья (по материалам поселения Новоселище-4) // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. Вып. 4. С. 102—126.
13. Клюев Н.А., Яншина О.В. Культурно-исторические связи населения Приморья в эпоху позднего неолита (по материалам приханкайской группы памятников) // Четвёртые гродековские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. «При-

- амурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России». Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2004. Ч. 2. С. 197—202.
14. Коломиец С.А., Батаршев С.В., Крутых Е.Б. Поселение Реттиховка-Геологическая (хронология, культурная принадлежность) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 90—102.
  15. Крутых Е.Б., Батаршев С.В. Результаты исследования памятника Реттиховка-Геологическая в Черниговском районе Приморского края // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: материалы 41-й РАЭСК. Барнаул: Изд-во Алтай. гос. ун-та, 2001. С. 182—184.
  16. Крутых Е.Б., Коломиец С.А., Морева О.Л., Дорофеева Н.А. Комплекс финального неолита поселения Реттиховка-Геологическая (по результатам исследований 2004 г.) // Столетие великого АПЭ: к юбилею А.П. Окладникова: Тихоокеанская археология. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. Вып. 16. С. 115—138.
  17. Крутых Е.Б., Морева О.Л., Попов А.Н. Керамические комплексы позднего неолита памятника Лузанова Сопка-2 // Столетие великого АПЭ: к юбилею А.П. Окладникова: Тихоокеан. археология. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. Вып. 16. С. 139—156.
  18. Кузьмин Я.В. Радиоуглеродные датировки археологических памятников Приморья (по результатам работ 1987 г.) // Древние культуры Дальнего Востока СССР (археологический поиск). Препр. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 15—17.
  19. Морева О.Л., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Малков С.С. Предварительные результаты изучения неолитического памятника Гвоздево-4 в Южном Приморье // От Монголии до Приморья и Сахалина. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 52—104.
  20. Сергушева Е.А. Динамика выращивания растений у раннеземледельческих сообществ Приморья (по археоботаническим и археологическим данным) // Восьмая конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток: ДВО РАН, 2004. С. 23—30.
  21. Сергушева Е.А. Культурные растения на археологических памятниках Приморья по палеоэтноботаническим данным // Cultivated Cereals in Prehistoric and Ancient Far East Asia. University of Kumamoto, 2005. P. 29—42.
  22. Сергушева Е.А. Использование растительных ресурсов населением Приморья в эпоху неолита — раннего металла (по археоботаническим данным поселений): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК, 2008. 30 с.
  23. Сергушева Е.А. Семена и плоды с поздненеолитического поселения Реттиховка-Геологическая (предварительные результаты) // Cultivated Cereals in Prehistoric and Ancient Far East Asia. University of Kumamoto, 2006. P. 1—8.
  24. Слепцов И.Ю., Ким Чже Ен. Памятник Анучино-29 в Центральном Приморье: планиграфия поселения и типология археологического инвентаря // Россия и АТР. Владивосток, 2009. № 1. С. 86—99.
  25. Яншина О.В. Финальный неолит — бронзовый век Приморья: Систематизация археологических памятников: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2001. 26 с.
  26. Яншина О.В. К проблеме однородности зайсановской археологической культуры Приморья // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: материалы XI сес. археологов и антропологов Дальнего Востока. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 109—121.
  27. Яншина О.В., Клюев Н.А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы и гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 187—233.
  28. Физическая география Приморского края: учеб. пособие / отв. ред. Г.В. Свиных. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1990. 208 с.